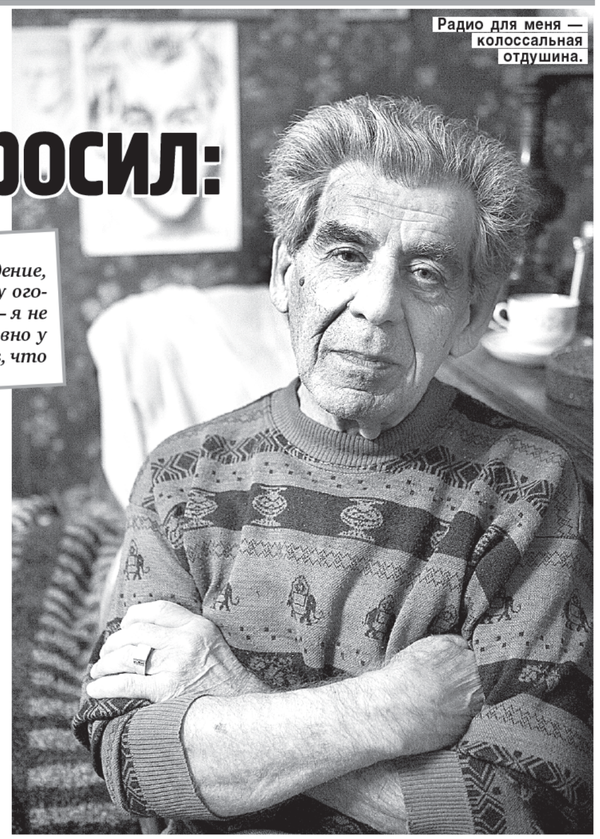
У меня была тысяча эфиров на радио, но никто из приглашенных ни разу не спросил: «А сколько я за это получу?»

ВАДИМ БРУСЯНИН, КИНОВЕД И РАДИОЖУРНАЛИСТ С 60-летним СТАЖЕМ, ВСПОМИНАЕТ О НЕОБЫЧНЫХ ВСТРЕЧАХ И ГЕРОЯХ СВОИХ ПЕРЕДАЧ

Прямой эфир — это такой кайф, такое наслаждение, ты ощущаешь, как тебя слушают люди. Я могу оговориться, забыть что-то, потом вспомнить — я не читаю по бумажке: это живой эфир! Вот недавно у меня была 1000-я передача. Было столько звонков, что мне почти ничего рассказывать не пришлось.



Радио для меня — колоссальная отдушина.

Киновед Вадим Брусянин — лауреат премии «Золотое перо»-2003, которую получил «За преданность теме», бессменный автор и ведущий программы «Кинокадр» в передаче «Город и горожане» на «Радио Петербург» — в журналистике уже 60 лет. Только петербургскому радио он отдал более двадцати лет жизни — вышел уже тысячный выпуск «Кинокадра», который, кстати, всегда идет в прямом эфире. А были еще лекции от Бюро пропаганды киноискусства и от общества «Знание», в этой серии выходили и познавательные брошюры. Публиковался в «Вечернем Петербурге», «Смене», «Санкт-Петербургских ведомостях», «Кинонеделе Ленинграда», «Телевидении. Радио» — много чего было в его журналистской практике.

Мы встретились с Вадимом Олеговичем в его квартире на Пушкинской улице, где бывал Донатас Банионис, который попробовал домашнее вино и попросил рецепт. Здесь давали интервью Игорь Скляр, Игорь Лифанов, Олег Погудин, Сергей Русскин...

ПРОУЧИЛСЯ ВОСЕМЬ ЛЕТ

— Вижу среди старинных семейных фотографий портрет Бунина с автографом, фото Леонида Андреева...

— Да-да, этот дарственный портрет дедушке (Василий Васильевич Брусянин — писатель, член Государственной думы, еще той, дореволюционной. — Л. К.) от Ивана Алексеевича Бунина. Вон верхняя полка с книгами — все, что осталось от деда. Правда, есть еще кадр из фильма «Перед судом истории», где показывают ложу прессы и камера останавливается напротив моего деда, как будто специально (*улыбается*). А вот портрет Андреева, с которым дедушка очень дружил и был автором первой биографии Леонида Николаевича, вышедшей в 1912 году... Это портрет Лидочки — дочки Куприна, с которой моя мама была очень дружна. Живу в этой комнате 82 года — отца я не знал, мы жили здесь с мамой и бабушкой. Бабушка была поэтессой, переводчицей, первой перевела роман Берроуза о Тарзане, написала книгу воспоминаний о дедушке, который был, между прочим, писателем марксистского толка — искренне верил в социалистические идеалы. Но в блокаду, в апреле 1942 года, бабушка умерла на моих глазах, и я остался с мамой — мне тогда еще не было десяти лет, мы очень голодали. Но меня спас детский дом на Стремянной улице. Помню, как в конце войны, летом 44-го, меня с другими детьми отправили в Ольгино, и мы жили на даче Исаака Осиповича Дунаевского. Это была никакая не вилла, не палаццо — там стояли несколько одноэтажных домиков.

За нашу Советскую Родину

ФЛАГ РОДИНЫ

Орган политотдела Черноморского флота

Ежедневная газета Черноморского флота «Краснофлотец». Год издания XXXV № 190 (10082)

Моряки в гостях у колхозников 28.01.44

Большой и красивый зал колхозного клуба заполнен до отказа. В гости к колхозникам приехали моряки-черноморцы. После взаимных приветствий матросский коллектив художественной самодеятельности дал для колхозников большой концерт.

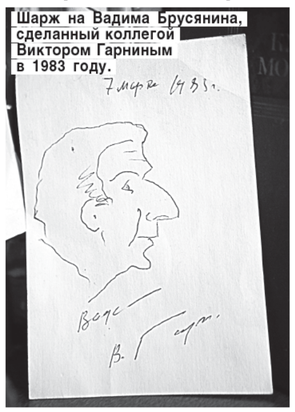
Торжественно исполнил хор песню В. Мурадели «Партия — наш рулевой». Зрители горячо аплодировали солисту младшему сержанту Е. Гюнтеру, вокальному квартету, танцевальной группе, исполнившей «Молдаванеску», «Кадриль» и «Матросский танец».

В программу концерта входили: сцена из пьесы Вс. Вишневского «Незабываемый 1919-й», выступление струнного оркестра, художественное слово, сатира. «Моряки провели весь концерт с большим подъемом, и он по достоинству был оценен зрителями.

Провожая гостей, колхозники пожелали морякам новых успехов в боевой и политической подготовке.

Матрос В. БРУСЯНИН.

Первые публикации Брусянина были в газете Черноморского флота.



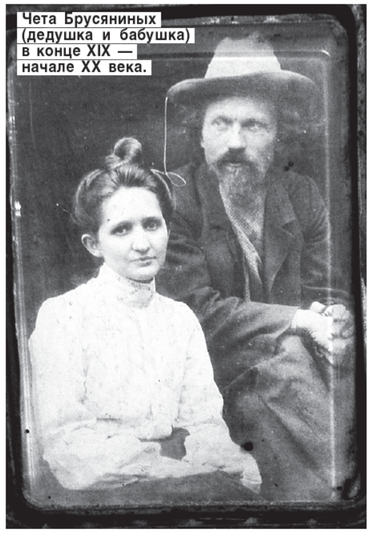
Шарж на Вадима Брусянина, сделанный коллегой Виктором Гарниным в 1983 году.

ЕСЛИ ПРИХОДИТ ДАМА, Я ДАРЮ ЦВЕТЫ

— А как вы попали на радио?

— Я перепробовал все виды СМИ. В 1992 году мне совершенно неожиданно предложили вести на пару с журналисткой Тамарой Останиной еженедельный киноканал «Осень» на ленинградском телевидении, где мы показывали старые фильмы. Я как-то сказал, что у меня есть альбомы с фотографиями артистов и кадрами из фильмов, и оператор попросил их принести. И когда я рассказывал, скажем, о фильме «Гроза», снятом в 1934 году, то оператор делал «наезд» на альбомные фото и зритель мог видеть Тарасову, Царева, Жарова... Я делал альбомы из любви к искусству и не думал, что это может пригодиться в работе.

А на радио меня позвала Галина Чернявская, которая предложила вести передачу о кино. У меня сразу возникло название — «Кинокадр» и сразу возникла музыкальная заставка: фрагмент из увертюры Дунаевского к фильму «Дети капитана Гранта». Сначала передачи шли в записи, но в 1993 году на радио появился Саша Федоров (ведущий передачи «Город и горожане», в рамках которой каждый вторник выходит и мой «Кинокадр»), он и предложил прямой эфир. И я могу сказать — это такой кайф, такое наслаждение, ты ощущаешь, как тебя слушают люди. Я могу оговориться, забыть что-то, потом вспомнить — я не читаю по бумажке: это живой эфир! Вот недавно у меня была 1000-я передача, о которой мы объявили заранее. И попросили слушателей звонить в студию — было столько звонков, что мне почти ничего рассказывать не пришлось.



Чета Брусяниных (дедушка и бабушка) в конце XIX — начале XX века.

Василий Брусянин (дедушка Вадима Олеговича) с Леонидом Андреевым на веранде дома писателя в деревне Ваммельсуу (п. Серово).

— «Кинокадру» уже более 20 лет. Есть ли у передачи какие-то традиции?

— Конечно, есть (*улыбается*). Если ко мне приходит в гости дама, я ей дарю цветы. Ко всем передачам я заранее подбираю в фонотеке Дома радио музыку и спрашиваю у своих гостей, что бы они хотели послушать из любимого ими.

— А какой эфир запомнился — необычной судьбой или какой-то казусной ситуацией?

— Как-то ехал я в троллейбусе к Зинаиде Максимовне Шарко, чтобы пригласить ее на программу. И разговорился с одной дамой. И вдруг она говорит: «Ваш голос похож на Брусянина». Я ей отвечаю: «А я и есть Брусянин». Дама так заволновалась, как будто перед ней Ален Делон оказался. Прихожу к Зинаиде Максимовне, рассказываю эту историю, она улыбнулась и сказала: «Я вас поздравляю!» И я ее пригласил на радио. Все прошло замечательно, эфир закончился, но шел сильный дождь, Зинаида Максимовна же была одета, мягко говоря, не по погоде. А у Саши Федорова в программе в этот день выступали большие милицейские начальники. И я их попросил подвезти народную артистку домой. Она села, и я услышал: «Для нас честь — отвезти вас домой».

Вообще у меня в гостях перебывало около сотни творческих людей. Это и Нина Усатова, и Леонид Неведомский, и Лариса Малеванная, и Галина Короткевич, и многие другие. Заслуженный деятель искусств Ирина Тайманова была у меня в гостях трижды. И что приятно: никто из приглашенных ни разу не спросил: «А сколько я за это получу?»

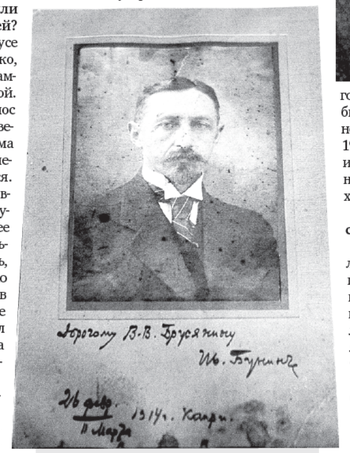
БЫЛ ВЛЮБЛЕН В ЛЮБОВЬ ОРЛОВУ

— У вас, как правило, бывают петербуржцы, а кого из столичных артистов удалось пригласить?

— Маргариту Терехову. Она привозила в Петербург свой фильм «Чайка». Вы знаете, она меня удивила. Дело в том, что мы более 20 лет снимаем дачу за Вырицей. И там есть дивная деревянная церковь, которая была построена в 1913 году. А недавно появилась часовня Серафима Вырицкого. И когда Маргарита Борисовна пришла на радио и вдруг стала говорить о Серафиме Вырицком, мне это было удивительно: ведь она живет в Москве, но знает и про нашего святого, и про эти места.

— А как вам удалось залучить к себе домой Донатаса Баниониса?

— Несколько десятилетий я читал лекции от Бюро пропаганды киноискусства и ездил по стране, даже был два раза в многострадальном Донецке. Помню, что за одну лекцию я как член Союза журналистов получал десять рублей, а когда приходилось бывать в командировках, то за цикл лекций я получал по 250 рублей и чувствовал себя миллионером. Так вот Бюро пропаганды пригласило в Ленинград Баниониса, к которому меня и «приставили», потому что никто не знал, насколько он контактный, хорошо ли говорит по-русски (его же в фильме «Мертвый сезон» дублировал Александр Демьяненко). Банионис остановился в «Астории», и у него было по два-три выступления в день. Моя роль сводилась к тому, что я выходил на сцену, представлял его, рассказывал о его фильмах. Везде он собирал полные залы. И у меня даже был материал: «Банионис отвечает на записки» — к нему пришло аж 200 записок! Так получилось, что в свое последнее выступление — в ДК имени Карла Маркса возле Варшавского вокзала — Банионис рано освободился, а он должен был ехать не к себе в Паневежис, а в Москву, в Минкульт. До «Красной стрелы» было еще несколько часов, и я предложил ему приехать ко мне на Пушкинскую — мы уже неделю с ним общались, он потеплел ко мне, и мы перешли на «ты». Я позвонил жене, сказал, что приеду с Банионисом. Моя мама тогда хворала, но когда мы приехали, у нее сразу все прошло (*улыбается*). Мы угостили Банониса домашним вином, которое ему настолько понравилось, что он попросил рецепт. И я вспоминаю это время с удовольствием.



Дарственный портрет писателю от Ивана Бунина, подписанный: «Дорогому В. В. Брусянину И. Бунинъ. 26 февраля (11 марта) 1914 года. Остров Капри».

— А с кем еще приходилось встречаться и вспоминать об этом с удовольствием?

— С Любовью Петровной Орловой. Я много о ней писал, даже был в нее влюблен. У нее была такая популярность — ни у кого такой не было! Она сюда приезжала на гастроли в 1956 году, вместе с Театром им. Моссовета, играла молодую женщину легкого поведения в спектакле «Лиззи Мак-Кей» по Сартру, хотя ей самой тогда было за 50.

— Но ведь она всегда утверждала, на сцене конечно, что ей не больше 39!

— Да-да, я знаю этот спектакль — «Милый лжец», когда она это говорила, зал всегда ей бурно рукоплескал. И я решил встретиться с ней. Позвонил ей, услышал на другом конце провода, как она закашлялась, и мне отчего-то стало так легко — легенда советского кинематографа могла тоже кашлять (*улыбается*). Словом, пришел я в «Асторию», где остановилась Любовь Петровна, взяв с собой открытки с ее фотографиями. Показал ей их. Любовь Петровна воскликнула: «Ах, как интересно!» — и поставила автограф. Я же деликатно поедал ее глазами. А после отнес в «Смену» интервью с ней. Помню, заведующий отделом информации Андрей Островский сказал: «Наша газета молодежная, зачем давать интервью с Орловой? Только потому, что Вадим Брусянин ее любит?» Но место в газете мне все-таки нашли.

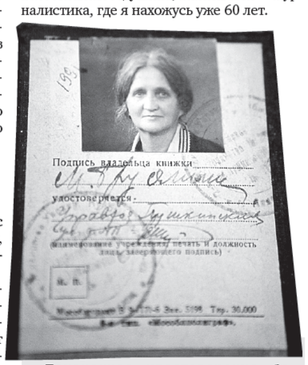
РАДИО — КОЛОССАЛЬНАЯ ОТДУШИНА

— Вадим Олегович, а бывали ли у вас осечки — ну, например, кто-то из гостей, скажем, забылся и не совсем литературно выразился?

— У меня в передачах такого не было никогда. Скажу без бахвальства: сколько собственных передач мне ни доводилось слышать, ни за одну не стыдно. А ведь бывает так сложно раскачать человека! У меня, например, были непростые эфиры с продюсером Сельяновым и режиссером Снежкиным... Правда, был один беспрецедентный случай. Возле памятника Пушкину, в садике, всегда сидела одна тетка — пьянчужка страшная. И рассказывала всем, что она — бывшая спортсменка Наталья Кучинская. Я как-то подсел к ней и пригласил домой. Записал ее рассказ на диктофон. Она так талантливо и правдоподобно рассказывала, читала свои сказки, даже в голову не приходило, что она может не оказаться знаменитой гимнасткой. Дали мы эту запись в эфир. И вдруг пошли звонки. Одна женщина звонит и говорит, что ее дочка занималась у Натальи Кучинской и та уже давно живет в Англии. Еще звонок — слушатель тоже возмущается. Но, слава богу, все как-то пролетело.

— А можете сказать, что радио для вас — все?

— Раньше я бы сказал: жизнь моя — кинематограф. И я заклинал в своих передачах, что кино в России больше, чем кино. Но сейчас я могу сказать, что радио для меня колоссальная отдушина, а жизнь моя — журналистика, где я нахожусь уже 60 лет.



Пенсионное удостоверение бабушки, Марии Ивановны. Когда Василия Васильевича не стало, Максим Горький выхлопотал его жене персональную пенсию в 216 рублей.

Беседовала Людмила КЛУШИНА, фото Натальи ЧАЙКИ и Татьяны ПОЖИДАЕВОЙ